

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181128-153>

Атаев Гамзат Дибирович,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ataevgd@mail.ru

Ахундов Туфан Исаак оглу,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт археологии, этнографии и антропологии
Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан
t_akhundov@rambler.ru

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МАНАССКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ И КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы преемственности и инноваций археологических образований Северо-Восточного Кавказа: манасской группы памятников раннего этапа среднего бронзового века и каякентско-хорочоевской культуры позднего этапа среднего бронзового века и раннего этапа позднего бронзового века. В результате анализа археологического материала: поселений, погребальных сооружений и обряда, керамики, украшений, орудий труда, предметов вооружения проведено исследование проблемы заката манасской группы памятников и сложение на ее основе нового археологического образования – каякентско-хорочоевской культуры.

Исследование материалов рассматриваемых памятников позволяет утверждать о плавном, эволюционном переходе манасской группы памятников в каякентско-хорочоевскую культуру. По своим основным признакам культуры (поселения и жилища, керамика, предметы вооружения, украшения и другой инвентарь, кроме погребальных сооружений и обряда, сурьмяных привесок) каякентско-хорочоевская культура генетически связана с предшествующей манасской группой памятников. Изучение памятников среднего и позднего бронзового века центрального Дагестана позволяют полнее и глубже раскрыть проблему трансформации манасской группы памятников раннего этапа среднего бронзового века в каякентско-хорочоевскую культуру. Исследования важны для выяснения проблем культурогенеза данного региона, развития на Северо-Восточном Кавказе культур эпохи средней и поздней бронзы, выявления закономерностей их развития в рассматриваемое время.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; степь; средний бронзовый век; манасская группа памятников; каякентско-хорочоевская культура; могильник; курганы; гробница; каменный ящик.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181128-153>

Gamzat D. Ataev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ataevgd@mail.ru

Tufan I. Akhundov,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology
National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
t_akhundov@rambler.ru

CONTINUITY OF THE MANAS GROUP OF SITES AND KAYAKENT-KHOROCHOY CULTURE OF THE BRONZE AGE IN THE NORTHEAST CAUCASUS

Abstract. The article deals with the study of continuity of archeological formations in the Northeast Caucasus: the Manas group of sites of the early Middle Bronze and the early stage of the Late Bronze Age. As a result of the analysis of the archeological material, which includes settlements, burial structures and rituals, pottery, jewelry, tools, military equipment, we examined the issues of the decline of the Manas group sites and the emergence of a new archeological formation on its basis – the Kayakent-Khorochoy culture. The examined material demonstrates a smooth, evolutionary transition of the Manas group of sites into the Kayakent-Khorochoy culture. In its key cultural features (settlements and dwellings, pottery, weapons, jewelry and other equipment, except for burial structures and rites, antimonic pendants), the Kayakent-Khorochoy culture is genetically related to the previous Manas group of sites. The study of sites of the Middle and Late Bronze of Central Dagestan allows for deeper understanding of the issue of transformation of the Manas group of sites of the Early Middle Bronze into the Kayakent-Khorochoy culture. These studies are relevant for the determination of the issues of cultural genesis of the said region, the development of cultures of the Middle and Late Bronze Ages in the Northeast Caucasus, the identification of patterns of their development in the period under study.

Keywords: Northeast Caucasus; Dagestan; steppe; Middle Bronze; Manas group of sites; Kayakent-Khorochoy culture; burial grounds; burial mounds; tomb; stone box.

Настоящая статья посвящена проблеме преемственности двух археологических образований Северо-Восточного Кавказа: манасской группы памятников раннего периода среднего бронзового века и каякентско-хорочоевской культуры позднего этапа среднего и раннего этапа позднего бронзового века, в частности, манасской группы памятников на финальном этапе своего развития и проблеме генезиса каякентско-хорочоевской культуры. Следует указать, что вопросы преемственности между гинчинской и каякентско-хорочоевской культурами рассматривались в статье Р.Г. Магомедова «Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: проблема преемственности» изданной в 1990 г. [1, с. 205–213], а также в статье Г.Д. Атаева «О преемственности присулакской и каякентско-хорочоевской культур эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа» опубликованной в 2010 г. [2, с. 165–175],

Рассматривая проблему преемственности и связи манасской группы памятников и каякентско-хорочоевской культуры, в первую очередь следует указать, что ареал этих культур частично совпадает. На территории распространения манасской группы памятников открыто много памятников последующей каякентско-хорочоевской культурой (далее КХК) (рис. 1). Здесь выделяются два локальных варианта КХК: таркинско-талгинский и манасско-мискинбулакский (рис. 2). Южнее присулакской культуры, в центральной части Приморского Дагестана, получили распространение памятники, объединяемые в манасскую группу (рис. 1). Для манасской группы памятников (далее МГП) характерны в основном подкурганные катакомбы, грунтовые ямы и каменные гробницы [3, с. 184; 4, с. 22–25]. Эпонимный памятник – курганный могильник в урочище Каркома-холау ст. Манас, в долине р. Манас-озень. К ним относится и могильник с подкурганными катакомбами исследованный в XIX в. в сел. Дешлагар (совр. Сергокала) [5, с. 582–584].

Исследование катакомб в Дербенте, Дешлагаре, Манасе, находки сосудов со шнуровым орнаментом в гробнице кургана Ярти-Тюбе позволило Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову выдвинуть гипотезу о проникновении части племен катакомбной культуры из южнорусских степей в Приморский Дагестан, которые вскоре были ассимилированы местными племенами [3, с. 187–189, 192–193]. Открытие подкурганных захоронений в катакомбах в Чечне позволило еще более широко поставить вопрос о взаимосвязях населения Северо-Восточного Кавказа и племен катакомбной культуры и о проникновении последних на данную территорию [6, с. 92–96]. Эта гипотеза получила поддержку у многих специалистов (В.И. Марковин, М.Н. Погребова, В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев).

Выявление захоронений в одних из древнейших из известных на территории СНГ катакомбах, обнаруженных в холме у сел. Великент, содержавших типичный местный инвентарь, открыло большие перспективы в изучении вопросов, связанных как с отношениями местного населения с носителями катакомбной культуры, так и с ролью Северо-Восточного Кавказа в сложении катакомбной культурно-исторической общности в степных областях Юго-Восточной

Европы. Ранняя группа великентских катакомб датируется, по мнению М.Г. Гаджиева, не позже середины III тыс. до н.э., III тыс. до н.э. [7, с. 129–140, 149, 150].

Исследование в Дагестане одних из древнейших на Кавказе катакомбных захоронений позволило М.Г. Гаджиеву предположить возможность взаимодействия местного оседло-земледельческого населения и подвижных скотоводов Юго-Восточной Европы и проникновения в степи Предкавказья катакомбного обряда вместе с ее носителями с территории Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы. После изучения материалов Великентских катакомбных могильников в настоящее время уже никто не рассматривает исследованные Р.М. Мунчаевым и К.Ф. Смирновым в Манасе и в других местах Приморского Дагестана подкурганные катакомбы среднего бронзового века как результат продвижения групп населения катакомбной культуры [3, с. 167–203].

Ряд исследователей (В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев) отнесли Манасский курганный могильник вместе с другими синхронными памятниками к так называемому среднему этапу эпохи бронзы Дагестана – манасско-гинчинскому (1700–1400 гг. до н.э.), наряду с ранним – карабудахкентско-гонобским (конец III–II тыс. до н.э.) и поздним – каякентско-хорочоевским этапами (XIV–XIII вв. до н.э.) [8, с. 11–28]. А в 1974 г. в статье «Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы» М.Г. Гаджиев выделил три группы памятников: присулакскую – в Северном Дагестане, в бассейне среднего Сулака; манасскую – в Приморском Дагестане; гинчинскую культуру – в горных районах Дагестана и Чечни и датировал их первой половиной II тыс. до н.э. [9, с. 16–17].

Поселения манасской группы памятников изучены слабо. Поселение у сел. Карабудахкент находилось в ложине между гор рядом с рекой. На данном поселении выявлены остатки глинобитных зданий и различные скопления камней. Здесь обнаружено большое количество кремневых отщепов, несколько кремневых наконечников стрел, кварцитовый пест-колотушка, обломок еще одного кварцитового орудия и фрагменты керамики [10, с. 173–175]. Керамика поселения по фактуре и цвету глины, по технике обработки поверхности и некоторым деталям орнамента занимает промежуточное положение между керамикой конца эпохи ранней бронзы и КХК и относится к начальному периоду среднего бронзового века. Поверхность многих фрагментов обмазана глиной. Близость с керамикой КХК намечается по формам сосудов и по орнаменту (налепной валик с вдавлениями). Также керамика Карабудахкентского поселения проявляет близость и с керамикой Манасского курганного могильника. Часть фрагментов имеет поверхность коричневого цвета с примесью шамота [10, с. 173–174].

Манасские курганы небольшие по размеру, имеют кромлехи [3, с. 184–203]. Курган № 1 – круглой формы; диаметр – 16 м, высота – 1,28 м, с кромлехом диаметром ок. 3 м, с толщиной 0,50 м, состоящим из небольших камней. Основное погребение ограблено (Рис. 3А, I). Могила вырыта на глубине 4,15 м от вершины кургана и смещена от центра к северо-западу. Могила овальной формы, длина – 2,1 м, ширина – 1,4 м. На высоте 0,75 м от дна могилы на уступах устроено перекрытие могилы из массивных плит ракушечника толщиной

0,2–0,26 м, в центре нарушенное грабителями. В грабительском ходе найдены фрагменты сосудов. Под перекрытием находилось нечто вроде камеры с земляным сводом (высотой 1,45 м), не заполненной землей (рис. 3А, II, III). Камера была частью грабительского лаза, увеличенного из-за провала земли в пустую могилу. На дне ямы, выстланном галечником, на глубине 2,1 м лежали кости полного скелета женщины (рис. 3А, I, III). Череп хорошей сохранности был искусственно деформирован в области теменных костей.

В кургане № 3 выявлены две катакомбы, связанные между собой проходом (рис. 3А, IV, V, VI). В них захоронено 14 человек, еще 3 погребения выявлены в насыпи.

Катакомба № 1 имела вход, закрытый большой каменной плитой, по обеим сторонам к которой прилегали два длинных камня. Вход имел вид вертикально идущего вниз колодца – дромоса. Глубина «колодца» – 2,8 м, высота и ширина входа в катакомбу – 1 м. Катакомба представляла собой обширную, вырытую в плотном материковом грунте, погребальную камеру округлой формы (2,3×2,4 м) (Рис. 3А, IV, VI). Свод камеры арочный. Максимальная высота арки 1,5 м. Дно камеры располагалось на 1 м глубже дна входного колодца. Под толчком в северо-восточной части камеры находился проход, который вел в катакомбу № 2. Стены и потолок ее были обложенными сырцовыми кирпичами и камнем. Ход закладывался камнями и обломками сырцовых кирпичей, имел ширину 0,55 м и высоту 0,35 м. На земляном полу камеры катакомбы № 1 обнаружены 5 скелетов в вытянутом положении на спине, головами ко входу – на ЮЗ. Скелеты лежали на подстилке из морской травы (водорослей) (Рис. 3А, IV, VI), от которой сохранился коричневато-фиолетовый тлен.

Катакомба № 2 имела свою входную яму. Дно входной ямы соответствовало глубине пола входной ямы катакомбы № 1 (Рис. 3А, V, VI). На глубине 1,9 м входная яма суживалась до ширины 0,65 м, образуя ступень высотой 1,2 м и узкий коридор длиной 2,4 м, соединяющий обе катакомбы. Данный коридор имел арочный потолок из камней и кусков обожженной глины. Высота свода – 0,65 м, ширина – 0,75 м. Пол катакомбы располагался ниже пола коридора на 1,05 м. Вход в катакомбу закладывался мелкими плитками сланца и двумя большими плитами, стоявшими наклонно, вплотную друг к другу (Рис. 3А, V, VI).

Погребальная камера была овальной формы (3,3×2,95 м). Потолок куполообразный. Высота камеры 2,2 м, в ней выявлено семейное захоронение мужчины, 2 женщин и 6 детей. Здесь, а также в других курганах, где открыты погребения в грунтовых ямах и каменных гробницах скелеты были обсыпаны охрой, имели плохую сохранность, но, судя по отдельным костям *insitu*, были погребены в вытянутом и скорченном положении [3, с. 184–203]. Костяки покоились на деревянных плахах и подстилках из морской травы (водорослей) и камышей (Рис. 3А, V, VI). Данные погребальные сооружения, очевидно, являлись семейно-родовыми усыпальницами.

Случайно обнаруженная у Манаса и расчищенная Г.С. Федоровым катакомба представляла обширную камеру почти круглой в плане формы диаметром

2,52 м. Вход овальной формы – шириной 62 см и высотой 83 см. Погребальная камера имела сводчатую форму. Дно ее находилось на глубине 1,70 м от нижнего края входного отверстия. Высота камеры 2,27 м. От входного отверстия в камеру были проложены три ступени. Дно камеры вымощено каменными плитами толщиной 0,8–0,11 см. На плитах кое-где уцелели фрагменты деревянной подстилки и подстилки из морской травы – камки [4, с. 22–25].

Отметим, что особенности инвентаря из Манасского могильника состоят в том, что только здесь обнаружены своеобразно орнаментированные миски с желобком под бортиком (рис. 4; 6 А). Они не встречаются в других районах Дагестана [3, с.193–194;4, с. 22–25]. Для манасской группы памятников характерна своеобразная керамика: сосуды, орнаментированные желобчатым, штампованным и ямочным узорами (рис. 4; 6 А). Специфичны и некоторые предметы из бронзы и дерева в памятниках манасской группы. Так, обнаруженные в Манасских курганах бронзовые очковидные привески не встречены в других местах Дагестана, если не считать находки подобных вещей из могильника Галгалатли в Горном Дагестане (рис. 4; 6 А). Наряду с характерными для памятников Дагестана керамическими сосудами (горшки с заглаженной и с обмазанной жидкой глиной поверхностью), другой инвентарь, в том числе и металлический, нередко распространен и на других памятниках Дагестана. Поэтому считать его характерным только для данной группы нельзя [3, с. 193–203; 4, с. 22–25].

Особенность погребального обряда Манасских курганов проявляется и в том, что здесь представлены захоронения в подкурганных катакомбах, которые отличаются от расположенных южнее катакомб Великентского могильника I, где были выявлены бескурганные катакомбы, вырытые в толще естественных холмов. Авторы раскопок могильника возле станции Манас Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов, характеризуя погребальный обряд, отмечают местную традицию, усложненную несомненным «проникновением сюда степных этнических элементов». Чисто степными элементами культуры они считали «сооружения в виде катакомб и древесно-камышовую подстилку дна могил» [3, с. 186–191]. Они также указали и на местные признаки культуры, к которым отнесли: погребения с вытянутыми костяками, некоторую часть скелетов с чертами расчленения, обычай сооружения вокруг курганов кромлехов.

Бытовые памятники на территории МГП, как указывалось выше, изучены плохо. К сожалению, приходится констатировать то же самое и для памятников КХК. Поселения КХК, найденные на рассматриваемой территории, обычно располагались в лощинах между гор (Карабудахкентское поселение), на высоких холмах (Каякент II), но всегда возле источников воды и рек. Поселения в предгорной части Северного Дагестана (Нижняя Сигитма, Бачазул-шоб) открыты на высоких речных террасах, на платовых поднятиях (Новолакское) и по склонам гор [11, с. 90]. К ним можно добавить поселения Верхнегунибское и Ирганайские I и III [8, с. 182–183; 12, с. 22–23]. Лучше всего исследовано Верхнегунибское поселение, расположенное на высокогорном плато. Материалы

его верхнего слоя (слоя I) относятся по времени к КХК. Ирганайские поселения I и III расположены в горной долине. Если сравнить с топографией поселений раннего бронзового века и раннего этапа среднего бронзового века данной территории, то можно заметить много общих черт. Хотя нетрудно и увидеть различия, которые выражаются в том, что для поселений КХК не играет большой роли при выборе места оборонительный фактор. В.И. Марковин отмечал, что «изменяются места расположения – с труднодоступных гор и скальных поднятий они спускаются в менее укрытые от посторонних глаз долинки, плато, склоны гор» [11, с. 90–91].

Характеризуя жилища КХК, можно утверждать, что особых изменений в их конструкции и планировке не имеется по сравнению с предшествующим периодом. В пользу этого говорят данные раскопок Верхнегунибского (слой I) и Нижнесигитминского поселений. На Верхнегунибском поселении выявлены многокамерные каменные жилища прямоугольной формы, ступенчато возвышающиеся друг над другом, с очагом внутри помещений [11, с. 159]. А на Нижнесигитминском поселении были открыты многокамерные жилые постройки прямоугольной формы и с плоской крышей на каменном основании, верхняя часть их была глинобитной. Внутри помещений имелись очаги двух видов: круглые и четырехугольные [8, с. 90]. Эти и другие данные, по-видимому, позволяют говорить о преемственной связи в архитектуре поселений и жилищ КХК и предшествующего времени.

Существенные различия наблюдаются в погребальных сооружениях и обряде МГП и КХК. Для МГП характерны коллективные захоронения в катакомбах, а также в основном одиночные погребения в грунтовых ямах и каменных гробницах. Погребения совершались в вытянутом и скорченном положении в ЮЗ направлении. Инвентарь довольно многочисленный и разнообразный. В то же время погребальные сооружения и обряд КХК имеют свои специфические особенности, которые отличают их от предшествующих культур. Характерной чертой КХК является: захоронения в каменных ящиках с одиночными, в редких случаях парными погребениями, с костяками, уложенными скорченно или сидя, с выдержанной ориентацией (рис. 3Б).

Набор инвентаря в каменных ящиках, как правило, относительно бедный и довольно однообразный (рис. 5; 6Б) [13, с. 3–20; 14, с. 51–96; 11, с. 30–33; 15, с. 54]. Однако следует указать на то, что за последние сорок лет выявлены относительно богатые комплексы, в которых найден разнообразный инвентарь (большой набор керамического материала, изделия из металла: предметы вооружения, орудия труда, разнообразные украшения, в том числе из золота и серебра).

Все это, свидетельствует о существенных различиях МГП и КХК в погребальных сооружениях и обряде (погребальной практике, идеологии), а также в характере инвентаря.

Для КХК характерны керамические комплексы, в которых представлены сосуды с грубо обмазанной жидкой глиной поверхностью и сосуды с заглаженной

поверхностью, характеризующие данную культуру (рис. 5; 6Б). Сосуды подразделяются на следующие типы:

1) крупные широкогорлые сосуды с раструбовидным венчиком, округлым туловом и непропорционально узким дном;

2) горшки округлых контуров с вздутым туловом, широким горлом со слегка отогнутыми венчиками и довольно широким дном, которые подразделяются на два подтипа: а) высокие и б) приземистые;

3) сосуды удлинённых пропорций, с небольшим дном, широким в виде раструба устьем (равным ширине тулова или шире его);

4) сосуды биконической формы, острорёберные, с широким дном и почти такой же величины устьем. Венчик почти не отогнут. Снабжены они по одной ручке;

5) широкоустные, без выделенного венчика, округлые или слегка угловатые баночные сосуды на узком дне. Встречаются высокие и приземистые горшки округлых контуров. По оформлению устья их можно разбить на два подтипа: а) с прямым бортиком; б) со слегка обращенным внутрь бортиком;

6) миски или чаши в основном конической формы. Они довольно приземисты, с узким дном, устье широко развернуто. Наружная поверхность, иногда краины и донца богато орнаментированы различными комбинациями резного елочного узора;

7) небольшие круглодонные сосуды [11, с. 42–58; 16, с. 341–345; 17, с. 248; 15, с. 56–58] (рис. 5; 6Б).

Украшения из металла и другой инвентарь КХК представлены следующими предметами: пластинчатые височные подвески с лопастями из бронзы; височные подвески из круглого в сечении бронзового стержня; наконечники украшений из бронзы (наконечники трубочки, полушарные и конусовидные колпачки); разнообразные браслеты из бронзы; секировидные подвески из бронзы и золота с петелькой для подвешивания; разнообразные сурьмяные подвески; каплевидные и другие подвески из бронзы; нашивные бляхи из бронзы; листовидные черешковые клинки (распространены в памятниках начального периода КХК, для заключительного периода характерны бесчерешковые клинки с тремя отверстиями для рукояти) [13, с. 3–20; 14, с. 51–96; 11, с. 42–71; 16, с. 341–350; 15, с. 59–69] (рис. 5; 6Б).

Ряд форм керамики и инвентаря выявлены, хотя и в значительно меньшем количестве, как в памятниках предшествующего времени, так и последующего периода. Но в таком устойчивом сочетании они встречаются и составляют отличительную особенность, характерную именно для памятников КХК.

Одновременно с отличиями, памятники МГП и КХК обнаруживают довольно большое сходство. Это проявляется в четкой планировке погребений (ящики и другие захоронения располагаются правильными рядами), в ориентировке могил, в наличии кромехов и стел, угольков в могилах, в вытянутом и скорченном положении погребенных.

Значительный интерес представляет для нашей темы открытие как в Дагестане и Чечне, так и ареале распространения МГП, погребальных сооружений

смешанного, переходного типа (гробница-ящик) и каменных ящиков с круглодонными сосудами и двуручными сосудами с раструбовидным горлом, выпуклым туловом и узким дном, которые дают возможность проследить постепенную трансформацию МГП в КХК (рис. 3 Б). Это сооружения смешанного типа и каменные ящики из курганного могильника Манаскент I¹, захоронения в каменных ящиках в других памятниках: погребение № 1 Урцекского 2-го могильника², погребения № 2 и № 3 могильника Айдильго³, могильника Каякент [18, с.100–102]. Во всех указанных памятниках найдена круглодонная посуда с гладкой поверхностью, имеющая близкие аналогии в гинчинско-гатынкалинской культуре (далее ГГК) и в меньшей мере – в присулакской культуре. В этих памятниках открыты одиночные или парные захоронения в каменных ящиках и гробнице-ящике в направлении СВ-ЮЗ или С-Ю, костяки которых лежали скорченно головой на Ю, ЮЗ (рис. 3Б). Указанные комплексы смешанного типа близки к сооружениям смешанного типа (склеп-ящик, гробница-ящик, яма-ящик), известных в ГГК (Гатынкале, Бельты II, Ирганай) и в присулакской культуре (Чиркей, Миатли, Манаскент I, Гертма I, II, III, Саласу). С другой стороны, находки круглодонных сосудов в каменных ящиках, характерных для памятников ГГК, а не для КХК, характеризуют эти комплексы как промежуточные, переходные от памятников начального этапа среднего бронзового века к КХК

Отмеченные комплексы не единичны. К ним примыкают по времени следующие памятники: каменный ящик у курорта Талги, где обнаружен фрагмент керамики со шнуровым орнаментом в виде елочки [17, с. 67], Таркинский подкурганый каменный ящик [19, с. 228–229], Кафыркумукская каменная гробница с бронзовым клинком архаичного облика, для которой имеется радиоуглеродная дата 1740 ± 60 г. до н.э. [15, с.70]. Из каменного ящика у сел. Каякент происходит также сосуд с шаровидным туловом, с короткой цилиндрической горловиной, орнаментированный шнуровым узором с заглаженной поверхностью и раскрашенный подтеками черной краски [18, с. 101, рис. 1]. Этот сосуд имеет близкие аналогии среди керамики Ирганайского поселения и могильника⁴ [20, с. 315, рис. 76,8]. Другой сосуд из Каякента с округлым туловом и раструбовидным венчиком, с обмазанной поверхностью [18, с.101, рис. 2]. Верхняя половина тулова покрыта подтеками краски. Как и первый, он украшен по плечикам налепным валиком. Этот сосуд по форме находит аналогии в Ирганае⁵ [20, с. 315, рис. 76, 7,10], Гатынкале [21, рис. 10,1, 13,2, 21,5], Бельты II [22, с. 9, рис. 4, 1-3], Миатли [23, с. 116–120, рис. 24, 2], Чиркее [11, с. 22, рис. 5,1, 6,2; 24, с.145–157, рис. 7,5], Гертме I, II, III [25, с. 66, рис. 2а, 2б; с. 68, 2а, 2б]. Укажем

1 Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И. Отчет о работах ДАЭ в 1985 г. // РФ ИИАЭ Ф. 3. Оп. 3. Д. 627. Л. 5–32.

2 Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1961 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. Л. 63–65

3 Гаджиев М.Г. Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1964 г. Махачкала, 1965 // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 190. Л. 27–29.

4 Атаев Г.Д. Отчет об исследованиях Ирганайской новостроечной археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1989 г. Махачкала, 1991 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 3. Рис. 67,8.

5 Там же. Рис. 67,8.

и на находку очковидной подвески, аналогичной найденной в Манасском могильнике [26, с. 101–102].

Описанные комплексы проявляют сходство с памятниками предшествующего времени, а также с КХК. Подводя итоги изучения Манасских курганов, Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов пришли к заключению, что культура, представленная рассмотренными памятниками, «имеет яркие черты преемственности по отношению к местной культуре как предшествующего, так и последующего времени» [3, с. 193]. Черты преемственности между МГП и КХК выявлены как на примере керамики, так и на примере остального инвентаря.

Более детально общие черты сходства между различными культурами и группами памятников начального периода среднего бронзового века Дагестана и Восточной Чечни и КХК удалось выявить В.И. Марковину и В.Г. Котовичу [11, с. 42–59; 15, с. 55–56, рис. 7]. После издания монографии В.И. Марковина, посвященной КХК, прошло 52 года, и за это время обнаружены новые памятники эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. В центральной части равнинно-предгорного Дагестана выявлены как памятники начального периода среднего бронзового века: могильники Зеленоморск, Манаскент, Таулар-гол [27, с. 110–111], Олелитюбе у сел. Карабудахкент [28, с. 66–68], так и переходного типа: Кафыркумух [15, с. 70], Манаскент I⁶, Урцеки 2⁷, а также памятники КХК – могильники Мискинбулак [29, с. 77–94], Тахиркала [30, с. 46–61], Нижний Дженгутай [31, с. 49–61], Новый Дейбук [32, с. 35–36], Канабур-ауз [33, с. 81–94], Ачису III и др. [26, с. 51–55; 29, с. 96–98]. Новые материалы во многом подтвердили выводы В.И. Марковина и В.Г. Котовича о преемственности культуры начального периода среднего бронзового века и КХК, а также уточнили и подкорректировали некоторые их взгляды. С другой стороны, они позволили более детально и глубже исследовать проблему преемственности и инноваций в развитии рассматриваемых нами культур.

Учитывая раскопки новых памятников на Кавказе и полученные новые радиоуглеродные даты, представляется возможным удревнить как нижний, так и верхний пределы культур среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа, в частности МГП и КХК. Раннюю фазу культур среднего бронзового века следует датировать XXV–XVIII вв. до н.э., а позднюю XVIII–XVII вв. до н.э. Что касается хронологии КХК, то ее периодизация представляется следующей: I – ранний этап – 1700–1600 гг. до н.э., время появления отличительных признаков; II – средний этап – 1600–1400 гг. до н.э., время расцвета характерных черт культуры; III – поздний этап – 1400–1200 гг. до н.э., время заката культуры. К сожалению, мы располагаем только несколькими радиоуглеродными датами, полученными для великентских памятников раннего и среднего бронзового века, а для памятников КХК только двумя датами. Поэтому не представляется

6 Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И. Отчет о работах ДАЭ в 1985 г. М., 1986 // РФ ИИАЭ Ф. 3, Оп. 3, Д. 627. С. 5–32.

7 Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1961 // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. С. 63–65.

возможным провести углубленную работу по хронологии, как это сделали в статье «Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях» С. Райнхольд, А.Б. Белинский, Б.Х. Атабиев [34]. Основная причина – все еще слабая изученность региона и отсутствие большой серии радиоуглеродных дат. Такую работу предстоит провести в будущем. Определение хронологических рамок и места памятников КХК позволит составить более точное представление о культурно-историческом развитии населения Дагестана в эпоху СБ и ПБ и осветить взаимосвязь культур ранних этапов эпохи СБ и КХК, которая сыграла большую роль на раннем этапе этногенеза населения Северо-Восточного Кавказа.

Рассмотрим вначале керамические комплексы. Так, сосуды I и II типа КХК по В.И. Марковину и I типа по В.Г. Котовичу – крупные сосуды с очень широким туловом, часто непропорционально узким дном и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 6Б) – восходят генетически к памятникам начального периода среднего бронзового века (могильники Манас, Великент I) [3, с. 178–183, рис. 7, 5; 35, с. 7–9, рис. 1, 18, 20; 36, с. 43–44, рис. 13, 9; 37, 10; 38, с. 43–104, fig. 59, 8-9] и даже ранней бронзы (поселения Каякентские – Геметюбе I, II, Великент I, могильники Карабудахкент II, Великент I – катакомба №8; Каякент VI) на территории Приморского Дагестана [14, с. 26, рис. 4, 5-9; 10, с. 152, рис. 5, 1, 2; 7, с. 130–134, рис. 22, 20, 27; 20, с. 67; 36, с. 13–19, рис. 4, 6; 11, 9-10]. Известны они и на территории Предгорного (Сигитма, Чиркей, Миатли, Гертма I, II, III, Саласу, Гентал)⁸ [7, с. 148, рис. 36, 16; 39, с. 69–74, рис. 5, 11; 8, 1; 23, с. 87–95, табл. 1, 11; 11, 4; 7, 1; 25, с. 66, рис. 1а, 1б, 2а, 2б; с. 67, рис. 1а, 1б, 2а, 2б, 3а, 3б; с. 68, рис. 2а, 2б; 40, с. 17–20, табл. II, 8–10] и Горного Дагестана (поселение Галгалатли, Верхний Гуниб, могильники Гинчи, Ирганай, Галгалатли II и др.) [41, с. 73–131, рис. 16–21, табл. IV–VII; 42, с. 51–52, табл. 10, 11-12; 8, с. 199–200, рис. 52, 9; 53, 12; 38, 8; 62, 17; 43, с. 128–130, рис. 15, 16; 36, с. 13–14, рис. 45, 5, 6; 44, с. 98, рис. 3, 12, 13; 11, с. 42–53, рис. 17-20; 15, с. 55–56, рис. 7, 1-5; 14-19; 32-43] и Чечни (Новый Аршти у сел. Бамут, Гатынкале, Саади-Котар, Бельты II, Малый Харсеной и др.) [45, с. 57–59, рис. 17, 1, 3; 21, рис. 2, 12; 12, 1; 27, 2; 28, 2; 33, 5; 46, с. 66–74, рис. 1, 1; 2, 3, 5; 3, 1, 6, 7, 12; 22, с. 9, рис. 4, 1-3; 47, с. 28–47, рис. 3, 6; 4, 14; 5, 7; 7, 7; 8, 1, 2].

Большое сходство проявляется и в орнаментации сосудов. Как отмечал В.И. Марковин, «декор в виде налепных валиков, резного узора, выпуклых рожек, трезубцев, «буквы М» и пр. известен на посуде более раннего времени... Таким образом, керамические находки лишней раз подчеркивают связь каякентско-хорочоевских памятников с предшествующими этапами эпохи бронзы» [16, с. 289–333, табл. 87, 22, 23, 26, 28, 35; табл. 95; табл. 99; табл. 103; 48, с. 345, табл. 107; табл. 108; 36, с. 13–57].

Остальные типы сосудов КХК – типы 3-7 по В.И. Марковину и 2-3 по В.Г. Котовичу (рис. 5, 6Б) – также проявляют генетическую преемственность с керами-

⁸ Атаев Г.Д. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2001 г. Махачкала, 2002. // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 6. С. 145–157, рис. 4, 4.

кой памятников эпохи средней и ранней бронзы, как на территории Приморского Дагестана, так и в предгорных и горных районах. Керамика 3-5 типов по В.И. Марковину и 2-го типа по В.Г. Котовичу подразделяется на два подтипа: 1) сосуды округлых контуров с туловом небольшого диаметра, довольно широким дном и слегка отвернутым венчиком (не превышает ширину тулова); 2) сосуды удлинённых пропорций, с небольшим дном, широким, в виде раструба, устьем (оно равно ширине тулова или превышает его) встречается в памятниках Северо-Восточного Кавказа предшествующего времени (поселение Верхний Гуниб, могильники Манас, Гоно, Миатли, Ирганай, Гатынкале, Гинчи и др.) [3, с. 175–183, рис. 4, 7; 7, 6; 10, 2; 49, с. 35, рис. 20, 3; 23, с. 113, табл. III, 1, 5, 6; 50, с. 116, рис. 9,1; 21, с. 54, рис. 30, 13; 8, с. 146–175, рис. 59, 3, 6; 43, с. 59, рис. 4, 5, 7; 26, 5; 42; 48, 7].

Керамика 6 типа по В.И. Марковину и 3 по В.Г. Котовичу (рис. 5, 6Б) – высокие и приземистые сосуды баночной формы округлых контуров с устьем, слегка обращенным внутрь сосуда. По оформлению устья они делятся на подтипы с прямым и слегка скошенным внутрь бортиком. Данный тип керамики также встречается в памятниках Дагестана и Чечни предшествующего времени (поселение Великент I, могильники Гоно, Гинчи, Ирганай, Гатынкале и др.) [7, с. 148, рис. 36, 16; 49, с. 35, рис. 20, 2, 4, 5; 8, с. 146–175; 43, с. 123–125, рис. 6, 12, 14; 27, 6; 50, с. 116, рис. 7,1; 51, с. 5; 21, с. 72–73, рис. 13, 1; 14, 1; 30, 13].

Сосуды 7 типа по В.И. Марковину (рис. 5, 6 Б) – миски и чаши, широко известные в памятниках Северо-Восточного Кавказа еще с эпохи энеолита (поселения Гинчи, Чинна и др.) [7, с. 64–78, рис. 13, 2-5, 15; 15, 6, 10, 12, 18], ранней бронзы (поселения Геметюбе I, II, Великент I, Джемикент, Мамайкутан, Мекеги, Гагалатли I, Чиркей, Сигитма, Верхний Гуниб – нижний слой, могильники Карабудахкент II, Гоно, Великент I и др.) [14, с. 41–42, рис. 10, 1; 11, 5, 6; 10, с. 150, рис. 3, 1; 7, с. 130–148, рис. 21, 5; 22, 9, 21, 24; 23, 4, 5; 24, 3; 26, 1-4; 28, 15-18; 30, 5-7; 32, 2-4; 35, 1, 4, 13; 36, 4; 36, с. 15–56, рис. 10, 3, 5; 13, 1-3; 18, 1-9; 49, с. 35, рис. 19, 8, 9; 8, с. 146–175, рис. 53, 1, 4, 8, 11, 13, 15; 52, с. 187–188, рис. 29, 7] и средней бронзы (поселения Верхний Гуниб – средний слой, Ирганай, Гагалатли II и др.) [8, с. 146–175, рис. 58, 2, 5, 7, 10; 59, 1, 2; 61, 6; 20, с. 305–306, рис. 64; 65; 44, с. 98, рис. 1, 3], могильники Манас, Миатли, Чиркей, Гертма III, Гентал, Ирганай, Гатынкале, Гинчи, Гагалатли и др.) [3, с. 175–183, рис. 4, 1, 4, 5, 6; 6, 1, 2; 7, 1, 2, 3, 4; 10, 1, 4; 23, с. 87–95, рис. 16, 5; табл. III, 7; 24, с. 154–155, рис. 7, 3; 25, с. 68, рис. 1а, 1б; с. 69, рис. 1а, 1б; 40, с. 17–19, табл. II, 11-12; 50, с. 116, рис. 3, 3; 48, с. 345; 43, с. 59, рис. 5, 1, 3-6; 6, 9-11; 8, 3, 4; 10, 11-12; 12, 15; 13, 5; 15, 13 и далее; 49, с. 98, рис. 3, 1-4; 5, 2]⁹. По мнению Р.М. Мунчаева, сосуды типа мисок эпохи ранней бронзы «можно считать местной формой керамики дагестанского, или восточнокавказского варианта куро-араксской культуры» [52, с. 188].

⁹ Атаев Г.Д. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2001 г. Махачкала, 2002 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 6. С. 13–14, рис. 45, 4, 7; 28. С. 116–117.

Черты преемственности наблюдаются и в изделиях из металла, камня, кости. К примеру, украшения из бронзы – браслеты, височные кольца, пластинчатые височные украшения, конусовидные и полушарные колпачки встречаются в памятниках начального периода среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа. На эти вопросы обратили внимание и специально рассмотрели в своих работах В.И. Марковин и В.Г. Котович [11, с. 61–76; 48, с. 345–350; 15, с. 59–64].

В комплексах смешанного, переходного типа и КХК не обнаружены каменные наконечники булавы, выпрямители древков стрел, известны лишь единичные находки клинков ножей или кинжалов. Из металлических украшений уже не встречаются булавы, подвески в виде медальона, некоторые пронизки. Одновременно с этим в некоторых памятниках появляются изделия из бронзы: широколопастные височные подвески, наконечники украшения – трубочки и колпачки полушарной формы, секировидные подвески и другие бронзовые украшения, а также привески из сурьмы. Хотя в некоторых памятниках они встречались и раньше, но в рассматриваемых памятниках количество их существенно возрастает. К новым находкам следует отнести и появление подвесок из сурьмы, а также бронзовых изделий, где увеличивается использование олова в качестве примесей.

Качественные изменения происходят и в керамике. Еще в единичных экземплярах встречаются находки сосудов со шнуровым орнаментом. Некоторые формы сосудов еще сохраняют преемственную связь с сосудами из памятников предшествующего периода. Но, с другой стороны, заметно уменьшается количество таких форм, как кружки, чашки и миски. Значительно чаще применяется прием обмазки жидкой глиной сосудов. Новым является использование расписного орнамента в виде красок черного, бурого или коричневого цветов.

В целом, мы можем констатировать плавный процесс трансформации МГП в КХК. Об этом свидетельствует распространение новых погребальных сооружений смешанного типа гробница-ящик. Эволюция прослеживается и в погребальном обряде, проявлением чего является исчезновение обряда коллективных захоронений и замена его на индивидуальный обряд погребения в каменных ящиках. Распространение каменных ящиков с круглодонными сосудами и с двуручными сосудами с раструбовидным горлом и выпуклым туловом, а также погребальных сооружений смешанного типа знаменует промежуточный переходный период между памятниками ранних этапов среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа и КХК. Интересно, что указанные комплексы открыты в равнинных и предгорных частях Дагестана, а также в прилегающих к предгорьям районах Горного Дагестана (Ирганай).

Закат куро-араксской культурно-исторической общности на рубеже эпох ранней и средней бронзы привел к распаду прежнего культурного единства региона и сложению новых образований начального периода среднего бронзового века [7, с. 236–238]. В центральной части Приморского Дагестана формируется манасская группа памятников с подкурганскими захоронениями в катакомбах, грунтовых ямах и каменных гробницах. Данные памятники имеют черты

преемственности по отношению к местной культуре предшествующего времени. Масштабность перемен свидетельствует об инфильтрации в Приморский Дагестан степного и северокавказского населения. Они привнесли сюда неизвестные здесь традиции – курганный обряд захоронений, применение охры в погребальном обряде, некоторые формы керамики степного и северокавказского происхождения, шнуровые мотивы в орнаментации керамики и металлических изделий, выпрямители древков стрел, костяные фигурные пряжки, каменные топоры и т.д. Последствием этого было изменение облика местной культуры.

В конце III тыс. до н.э. племена присулакской культуры (далее ПК) распространяются на юг в центральную часть Приморского Дагестана на территорию манасской группы памятников. Об этом говорят следующие памятники: подкурганная гробница в Ярти-тюбе, курганы у поселка Зеленоморск, Манаскент, Олелитюбе у сел. Карабудахкент, Урцеки 2. Определенное время племена из присулакского района мирно сосуществовали с обитавшими южнее по соседству племенами великентской культуры. Но в дальнейшем племена ПК проникают на территорию великентской культуры. Здесь появляются конструкции смешанного типа гробница-ящик, а также каменные ящики с одиночными захоронениями, с круглодонными сосудами и двуручными сосудами с горлом в виде раструба и с выпуклым туловом (Мамайкутан, Каякент и др.)¹⁰ [18, с. 100–102], т.е. с инвентарем характерным для начального периода среднего бронзового века. С другой стороны, в этих погребениях, наряду с названными двуручными сосудами, чаще встречается керамика с обмазанной поверхностью и ряд категорий металлического инвентаря, ставшие наиболее распространенными и характерными для последующей КХК. Проникновение носителей ПК на территорию великентской культуры и утамышской группы памятников привело к их затуханию.

Резюмируя сказанное, укажем, что МГП вместе с другими культурами и группами памятников стала фундаментальной подосновой, на базе которой сформировалась КХК. Трансформация культуры начального этапа среднего бронзового века протекала плавно. Какое-то время ранние памятники КХК, возможно, сосуществовали с поздними памятниками начального периода среднего бронзового века Дагестана, которые позднее постепенно трансформируются и уступают место памятникам КХК в историческом процессе региона.

¹⁰ Гаджиев М.Г. Отчет о работе Прикаспийской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1977 г. Махачкала, 1979 // РФ ИИАЗ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 600. Л. 42-45.

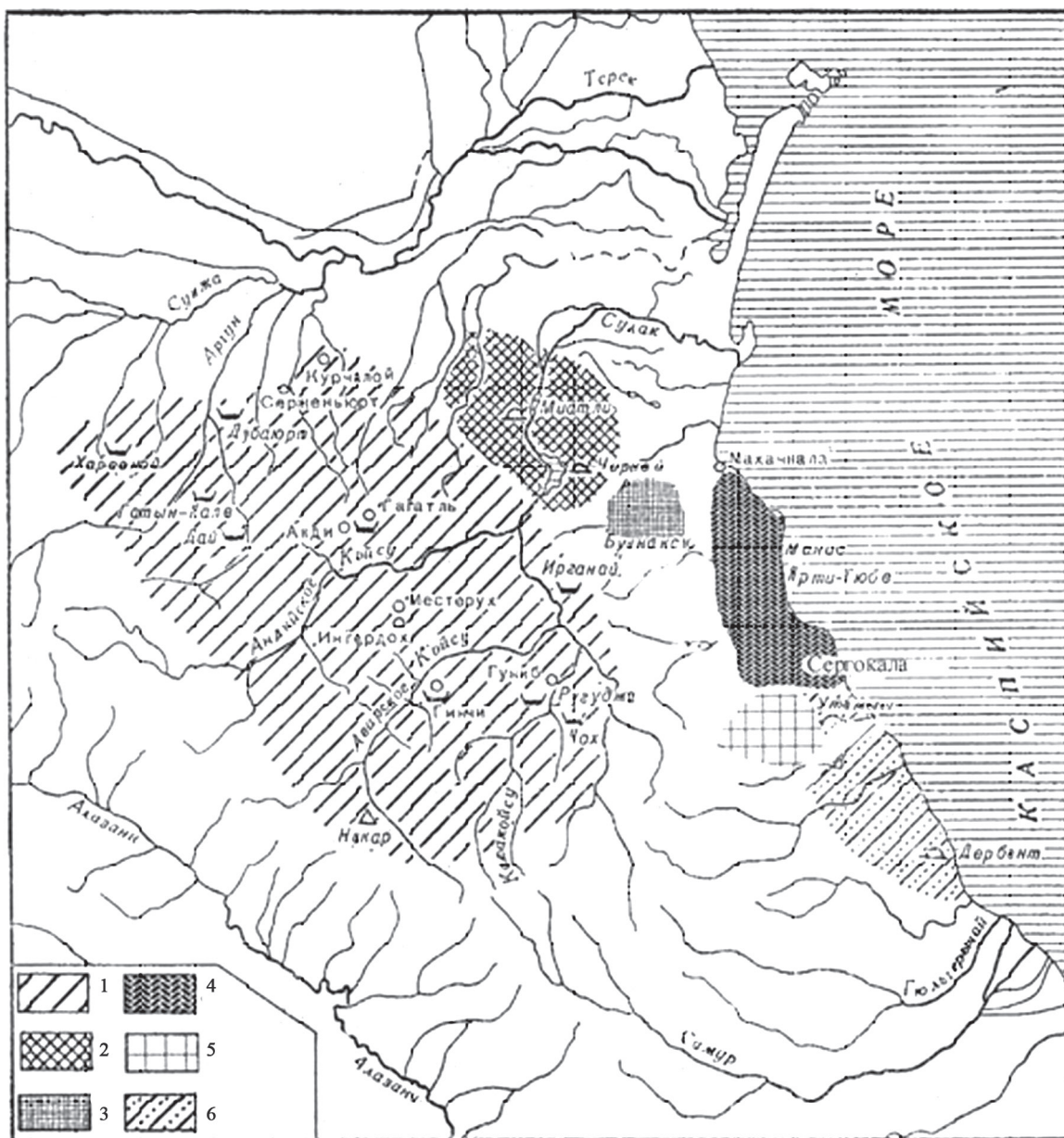

Рис. 1. Археологические культуры и группы памятников раннего этапа эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа: 1 - гинчинско-гатынкалинская культура; 2 - присулакская культура; 3 - гентальская группа памятников; 4 - манасская группа памятников; 5 - утамышская группа памятников; 6 - великентская культура

Fig. 1. Archaeological cultures and groups of sites of the early stage of the Middle Bronze Age of the Northeast Caucasus: 1 – Ginchin-Gatynkala culture; 2 – Prisulak culture; 3 – Gental group of sites; 4 – Manas group of sites; 5 – Utamysh group of sites; 6 – Velikent culture

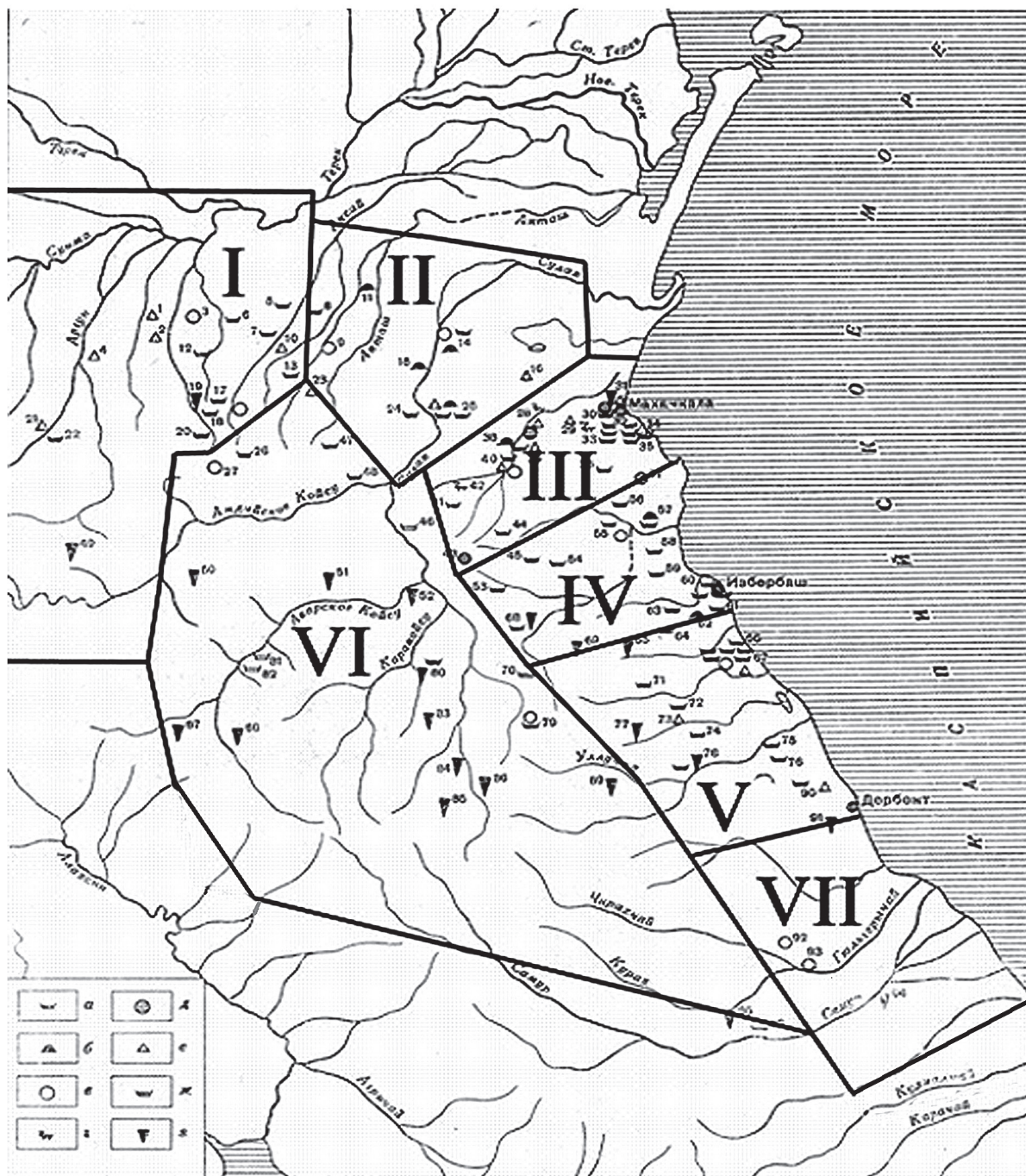

Рис. 2. Каякентско-хорочовская культура. Локальные варианты.
 I - восточно-чеченский; II - присулакский; III - таркинско-талгинский;
 IV - манаско-мискинбулакский; V - каякентско-берикейский; VI - горно-дагестанский;
 VII - присамурский

Fig. 2. Kayakent-Khorochoy culture. Local variants.
 I – East Chechen; II – Prisolaksky; III – Tarka-Talginsky;
 IV – Manas-Miskinbulaksky; V – Kayakent-Berikei;
 VI – Mountain-Dagestan; VII – Prsamurskaya

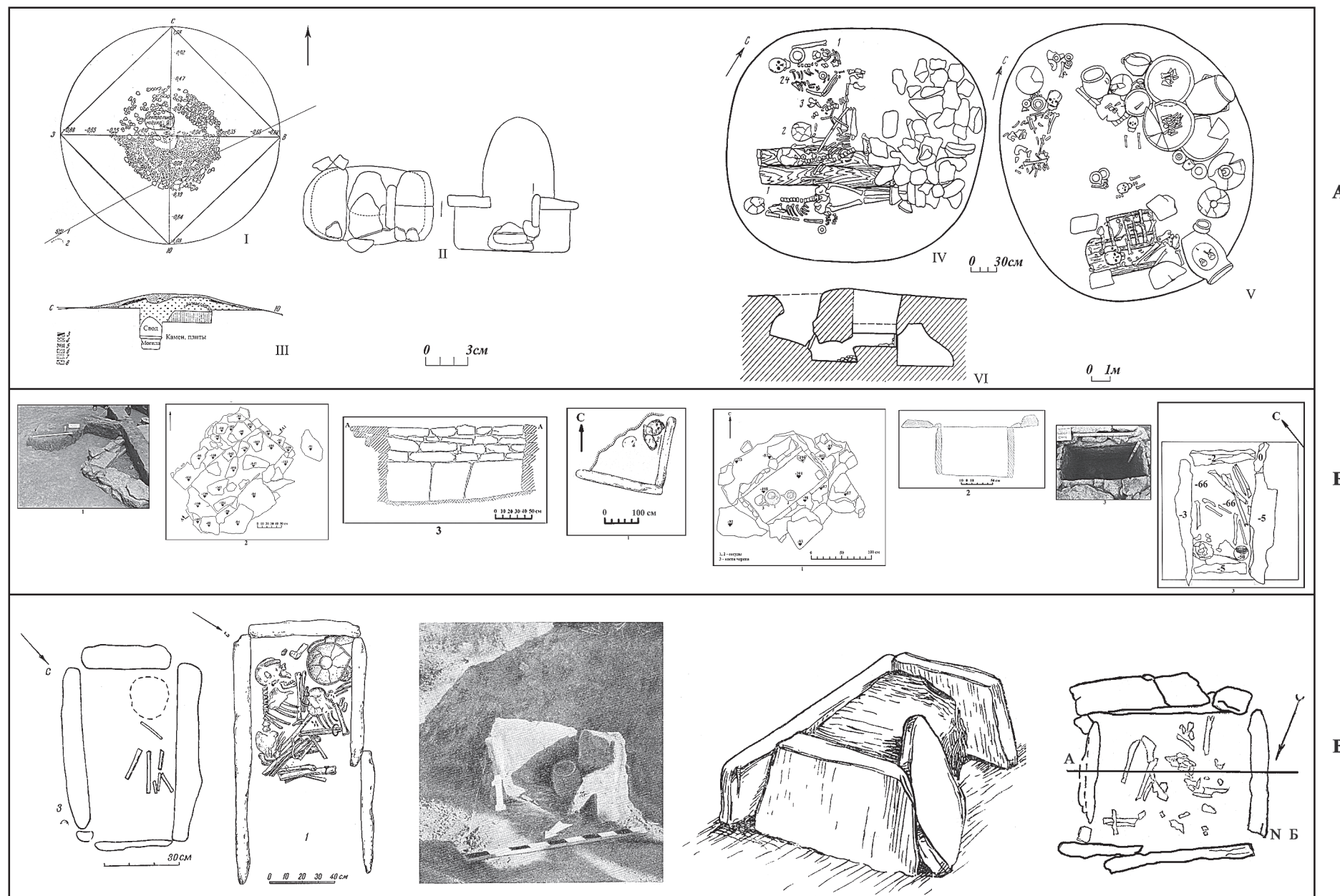

Рис. 3. Сводная таблица развития погребальных сооружений и обряда манасской группы памятников (А) и каякентско-хорочоевской культуры (Б,В)

Fig. 3. Summary table of the development of burial structures and rites of the Manas group of sites (A) and Kayakent-Khorochoy cultures (B, C)

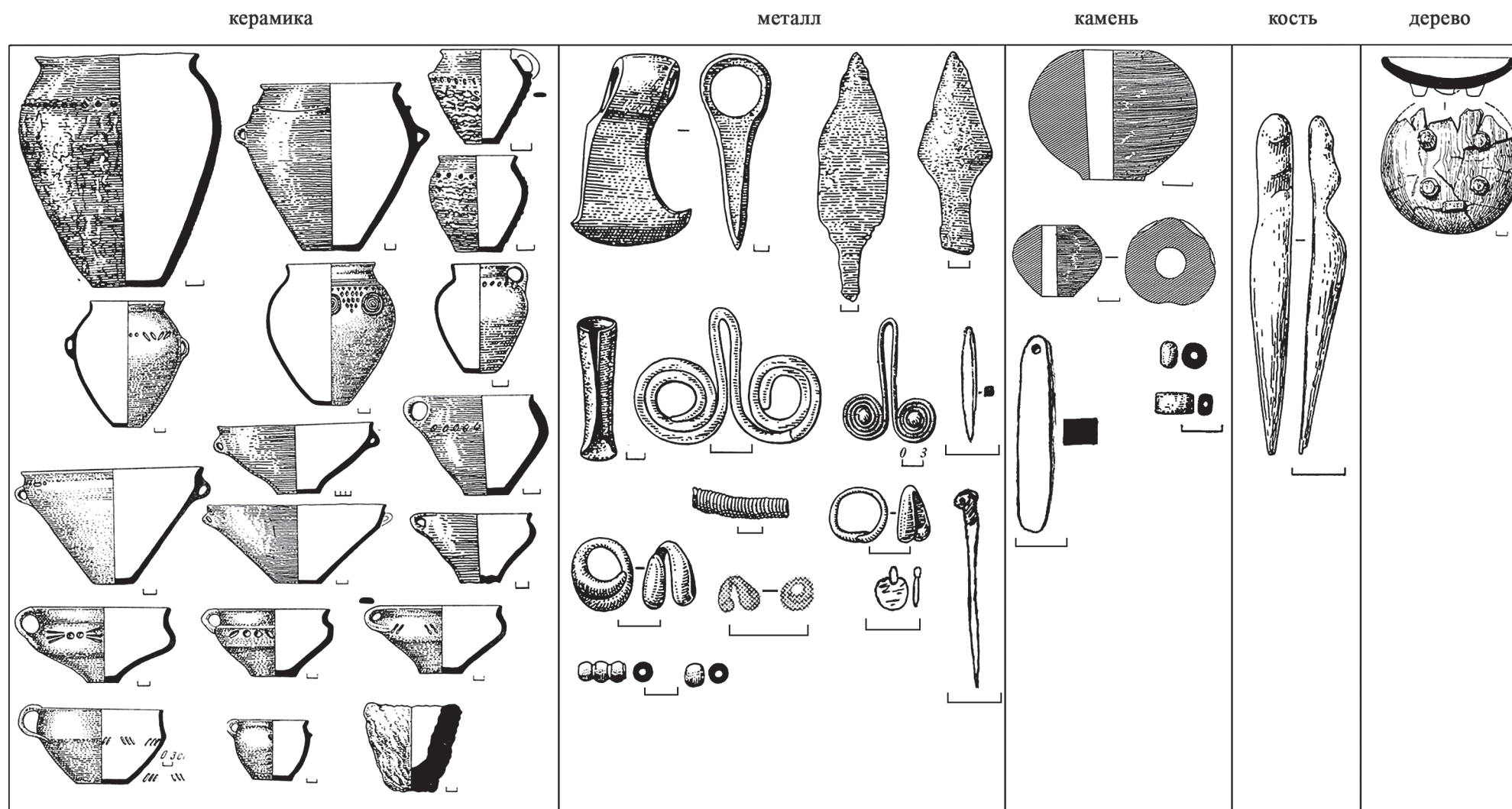

Рис. 4. Сводная таблица погребального инвентаря манасской группы памятников

Fig. 4. Summary table of funerary goods of the Manas groups of sites

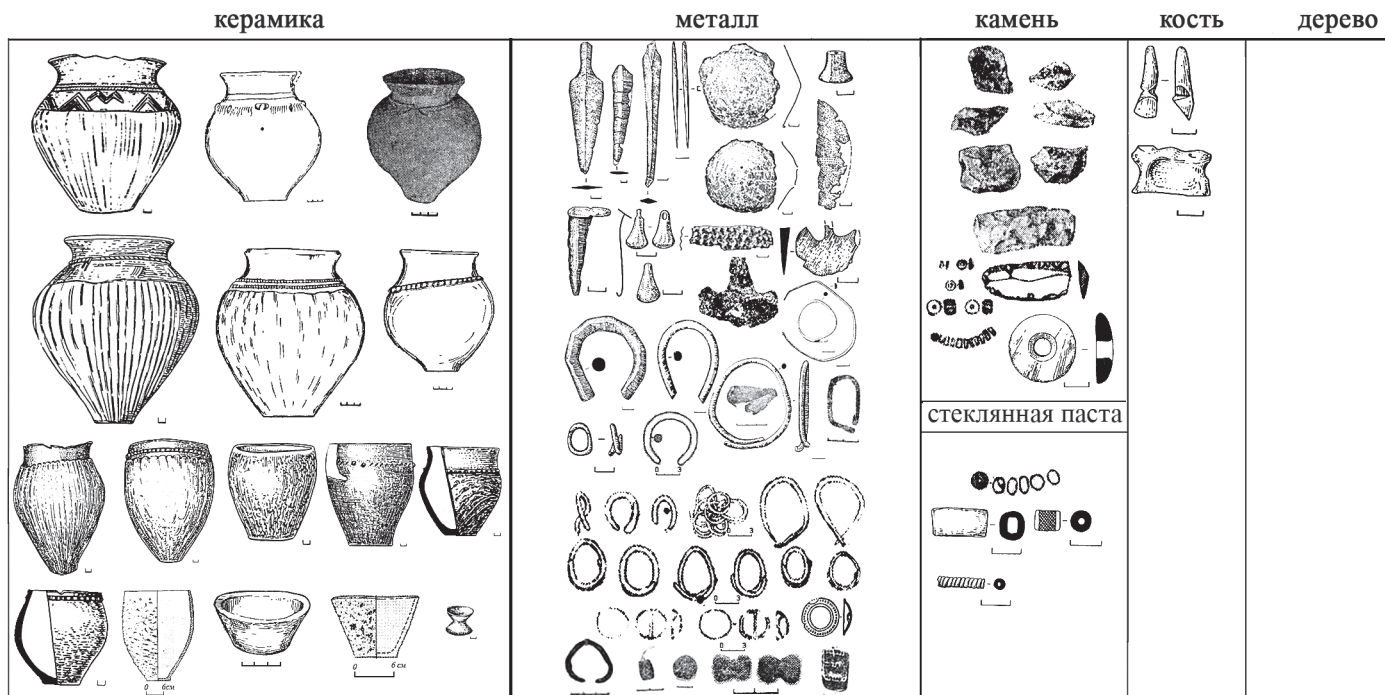

Рис. 5. Сводная таблица инвентаря манасско-мискинбулакского локального варианта каякентско-хорочоевской культуры

Fig. 5. Summary table of funerary goods of the Manas-Miskinbulak local variant of the Kayakent-Khorochoy culture

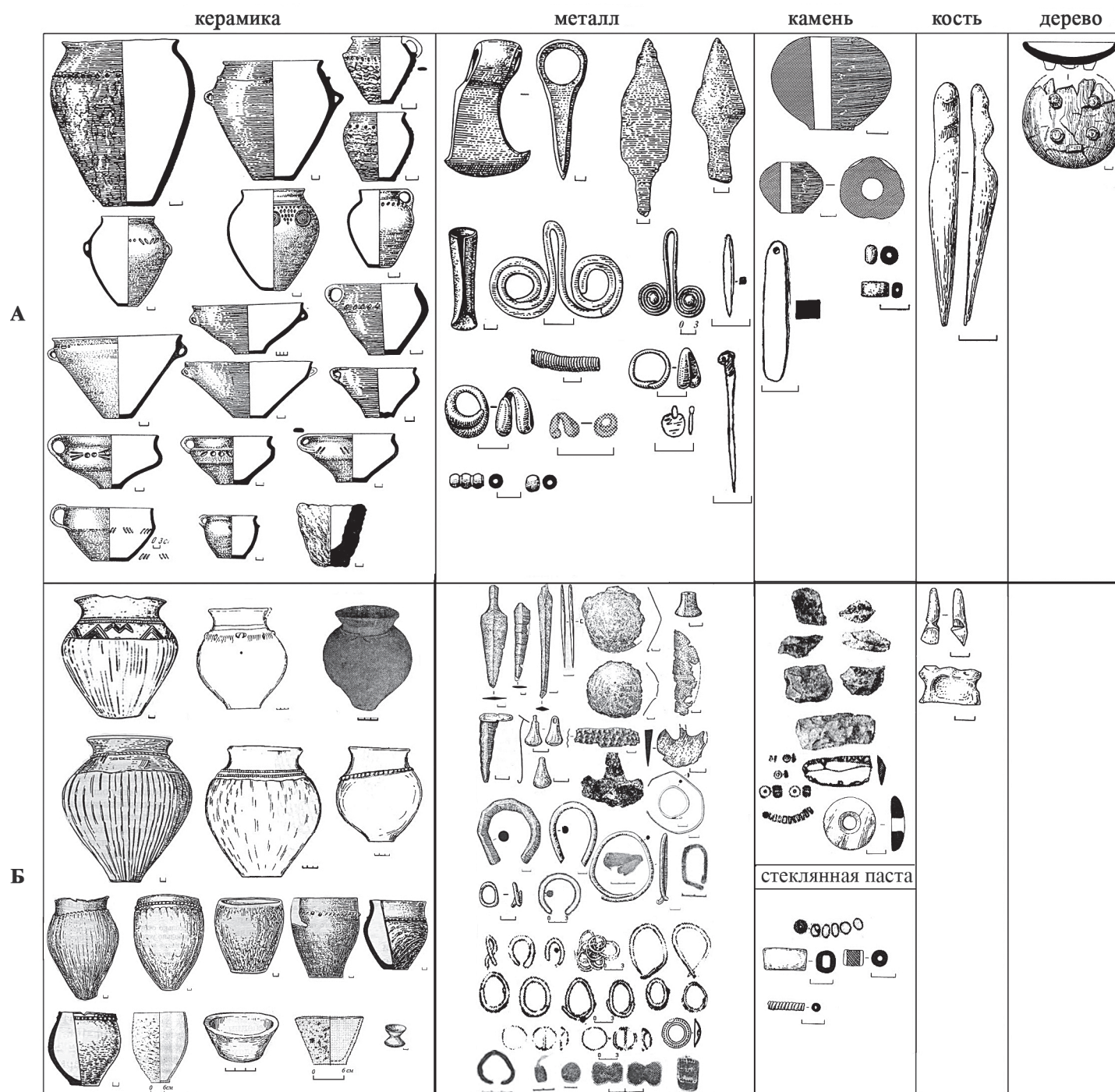

Рис. 6. Сводная таблица развития погребального инвентаря манасской группы памятников (А) и каякентско-хорочоевской культуры (Б)

Fig. 6. Summary table of the development of funerary goods of the Manas groups of sites (A) and the Kayakent-Khorochoy culture (B)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов Р.Г. Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: проблема преемственности // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей (Сборник докладов). Ереван, 1990. С. 205–213.
2. Атаев Г.Д. О преемственности присулакской и каякентско-хорочоевской культур эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 5 (84). Екатеринбург. 2010. С. 165–175.
3. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганная группа у станции Манас) // Советская археология. Вып. XXVI. 1956. С. 167–203.
4. Федоров Г.С. Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1977. С. 22–25.
5. Русов А.А. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Труды предварительных комитетов. V археологический съезд. М., 1882. С. 582–584.
6. Мунчаев Р.М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 92–96.
7. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. – 264 с.
8. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III–II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. – 261 с.
9. Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28.
10. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент: (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. М.; Л., 1958. С. 146–175.
11. Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура // МИА № 122. М.: Наука, 1969. – 116 с.
12. Атаев Г.Д., Мирзоев Р.Н. Итоги исследований памятников эпохи средней и начала

REFERENCES

1. Magomedov RG. Ginchin and Kayakent-Khorochoy cultures: the issues of continuity [Ginchinskaya i kayakentsko-khorochoyevskaya kul'tury: problema preyemstvennosti] *Interdisciplinary studies of cultural genesis and ethnogenesis of the Armenian highland and adjacent regions (Collection of reports)*. Yerevan, 1990:205-213. (In Russ)
2. Ataev GD. On the continuity of the Sulak and Kayakent-Khorochoy cultures of the Bronze Age of the Northeast Caucasus *News of the Ural State University. Series 1. Problems of education, science and culture* [Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury]. Ekaterinburg. 2010, 5(84): 165-175. (In Russ)
3. Munchaev RM, Smirnov KF. Sites of the Bronze Age in Dagestan: (Mound group at the Manas station) [Pamyatniki epohi bronzy v Dagestane: (Kurgannaya gruppa u stancii Manas)]. *Soviet archeology*. 1956(26): 167-203. (In Russ)
4. Fedorov GS. Another Manas catacomb [Eshche odna manasskaya katakomb]. *Ancient monuments of the Northest Caucasus*. Makhachkala, 1977:22-25. (In Russ)
5. Rusov AA. Report on summer and autumn archaeological studies in South Dagestan [Otchet o letnih i osennih arheologicheskikh rabotah v Yuzhnom Dagestane]. *Proceedings of the preliminary committees. V archaeological congress*. Moscow, 1882:582-584. (In Russ)
6. Munchaev RM. Catacomb culture and the Northeast Caucasus [Katakombnaya kul'tura i Severo-Vostochnyy Kavkaz] *New in Soviet archeology*. Moscow, 1965:92-96. (In Russ)
7. Gadzhiev MG. *Early agricultural culture of the Northeast Caucasus: (Eneolithic and early Bronze Ages)* [Rannezemledelcheskaya kultura Severo-Vostochnogo Kavkaza: (epohi eneolita i rannej bronzy)]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
8. Kotovich VM. *Verkhnegunibsky settlement – a monument of the Bronze Age of Mountainous Dagestan: on the history of the Dagestan tribes at the end of III-II millennium BC* [Verkhnegunibskoe poselenie pamyatnik epohi bronzy gornogo Dagestana: K istorii dagestanskih plemen v konce III-II tys. do n.e.]. Makhachkala, 1965. (In Russ)
9. Gadzhiev MG. *Dagestan and South-Eastern Chechnya in the Middle Bronze Age. Antiquities of Dagestan* [Dagestan i Yugo-Vostochnaya Chechnya v epokhu sredney bronzy].

эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2007 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 22–23.

13. *Крупнов Е.И.* Каякентский могильник – памятник древней Албании // Труды ГИМ. Вып. 8. М., 1940. С. 3–21.

14. *Круглов А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА № 68. М.; Л., 1958. С. 51–146.

15. *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 237 с.

16. *Марковин В.И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 287–333.

17. *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н.э.) МИА № 93 М.; Изд-во АН СССР, 1960. – 150 с.

18. *Магомедов А.Р.* Археологические находки в с. Каякент // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Вып. VI. Махачкала, 1976. С. 100–102.

19. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. № 23 М.; Л. 1951. С. 226–272.

20. *Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала, 1998. – 379 с.

21. *Марковин В.И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. С. 49–135.

22. *Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М.* Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 6–24.

23. *Костюченко И.П.* Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. С. 86–120.

24. *Атаев Г.Д.* Чиркейские курганы бронзового века // Советская археология. № 1. 1987. С. 145–157.

25. *Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Илюков Л.С.* Магистраль в будущее – сохраняя

Drevnosti Dagestana]. Makhachkala, 1974: 11–28. (In Russ)

10. Munchaev RM, Smirnov KF. Archaeological sites near the village of Karabudakhkent: (Dagestan ASSR) [Arheologicheskie pamyatniki bliz sela Karabudakhkent: (Dagestanskaya ASSR). Ancient tribes and peoples of the Caucasus. *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow; Leningrad, 1958;(68):146–175. (In Russ)

11. Markovin VI. Dagestan and Mountain Chechnya in antiquity: Kayakent-Khorochoev culture [Dagestan i Gornaya Chechnya v drevnosti: Kayakentsko-horochoevskaya kul'tura] *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1969;(122). (In Russ)

12. Ataev GD, Mirzoev RN. Results of studies of sites of the Middle and the beginning of the Late Bronze Age in the construction zone of the Irganai hydroelectric power station in 2002–2007 [Itogi issledovaniy pamyatnikov epohi srednej i nachala epohi pozdnej bronzy v zone stroitelstva Irganajskoj GES v 2002–2007 gg]. *The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov readings. Proceedings of the International scientific conference*. Makhachkala, 2012:22–23. (In Russ)

13. Krupnov EI. Kayakentsky burial ground – a monument of ancient Albania [Kayakentskij mogil'nik-pamyatnik drevnej Albanii]. *Proceedings of the State Historical Museum Issue*. 8. Moscow, 1940; (8):3–21. (In Russ)

14. Kруглов А.П. North-Eastern Caucasus in the II-I millennium BC. Ancient tribes and peoples of the Caucasus [Severo-Vostochnyj Kavkaz vo II – I tys. do n.e. Drevnie plemena i narodnosti Kavkaza]. *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow; Leningrad, 1958;(68):51–146.

15. Kотович В.Г. *Problems of cultural-historical and economic development of the population of ancient Dagestan [Problemy kul'turno-istoricheskogo i hozyajstvennogo razvitiya naseleniya drevnego Dagestana]*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)

16. Markovin VI. North-Eastern Caucasus in the Bronze Age [Severo-Vostochnyj Kavkaz v epohu bronzy]. *Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1994:287–333. (In Russ)

17. Markovin VI. The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age: (II millennium BC) [Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epohu bronzy: (II tys. do n.e.)].

прошлое: Археологические исследования в зоне строительства газопровода-отвода к с. Ботлих Ботлихского района республики Дагестан. Махачкала, 2007. – 99 с.

26. Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Саидов В.А., Будаичиев А.Л. Археологические разведки в Приморском Дагестане в 2007 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2008. № 1. С. 51–55.

27. Гаджиев М.С. Раскопки могильника Таулар-гол // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 4. С. 110–111.

28. Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г. Курган – святилище эпохи бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. ХХІХ Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 2016. С. 66–68.

29. Котович В.М. Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. МАД. Т. 8. Махачкала, 1978. С. 77–98.

30. Магомедов А.Р. Раскопки Тахиркалинского могильника // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 46–61.

31. Давудов О.М., Хангишиев Г.Д. Гюхракский могильник // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 49–61.

32. Марковин В.И. Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // Археологические открытия 1978 г. М., 1980. с. 35–36.

33. Бакушев М.А., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Могильник Канабур-Ауз // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 1. С. 81–94

34. Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. В.18. Berlin. 2020. С. 405–455.

35. Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 7–27.

Materials and research on the archeology of the USSR. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960.;(93). (In Russ)

18. Magomedov AR. Archaeological finds in Kayakent [Arheologicheskie nahodki v s. Kayakent]. *Questions of history and ethnography of Dagestan: Collection of scientific reports.* Makhachkala, 1976;(5):100-102. (In Russ)

19. Smirnov KF. Archaeological research in the area of the Dagestan village of Tarki in 1948-1949 [Arheologicheskie issledovaniya v rajone dages-tanskogo seleniya Tarki v 1948-1949 gg.]. *Materials and research on the archeology of the USSR.* Moscow; Leningrad, 1951;(23):226-272. (In Russ)

20. Magomedov RG. *Ginchin culture (Mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age) [Ginchinskaya kul'tura: (Gory Dagestana i CHEchni v epohu srednej bronzy)].* Makhachkala, 1998. (In Russ)

21. Markovin VI. *A new site of the Bronze Age in mountainous Chechnya. Antiquities of the Checheno-Ingushetia [Novyj pamyatnik epohi bronzy v gornoj Chechne. Drevnosti Checheno-Ingushetii].* Moscow: Nauka, 1963: 49-135. (In Russ)

22. Vinogradov VB, Khashegulgov BM. *Beltinsky burial ground of the Bronze Age: questions of chronology. Problems of the chronology of the funerary monuments of Checheno-Ingushetia [Bel'tinskij mogil'nik epohi bronzy: (Voprosy hronologii). Problemy hronologii pogrebal'nyh pamyatnikov Checheno-Ingushetii].* Grozny, 1986:6-24. (In Russ)

23. Kostyuchenko IP. Excavations of the Miatly mound field in 1955 [Raskopki Miatlinskogo kurgannogo polya v 1955 g.]. *Materials and research on the archeology of the USSR.* Vol. I. Makhachkala, 1959;(1):86-120. (In Russ)

24. Ataev GD. Chirkey burial mounds of the Bronze Age [Chirkejskie kurgany bronzovogo veka]. *Soviet archeology.* 1987;(1):145-157. (In Russ)

25. Magomedov RG., Gadzhiev MS., Ilyukov LS. *Highway to the future - preserving the past: Archaeological research in the construction zone of the gas pipeline branch to the village. Botlikh, Botlikh District, Republic of Dagestan [Magistral v budushchee – sohranyaya proshloe: Arheologicheskie issledovaniya v zone stroitel'stva gazoprovoda-otvoda k s. Botlikh Botlihskego rajona respubliki Dagestan].* Makhachkala, 2007.

26. Magomedov RG, Gadzhiev MS, Davudov ShO, Saidov VA, Budaichiev AL. Archaeological exploration in Primorsky Dagestan in 2007 [Ar-

36. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. – 120 с.
37. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Гадиев У.Б. Раскопки могильника Таулар-гол в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 3(7). С. 128–130.
38. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent(DAV) // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur ArchaeologieEurasiens. Band 6. 2000. P. 47–122.
39. Канивец В.И., Березанская С.С. Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. с. 60–85.
40. Магомедов М.Г. Гробницы эпохи бронзы в урочище Гентал // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. с. 14–21
41. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М., 1961б. 191 с.
42. Мунчаев Р.М. Куро-араксская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8–57.
43. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969. – 178 с.
44. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 81–100.
45. Мунчаев Р.М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА. № 84. 1961. С. 56–62.
46. Багаев М.Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 66–74.
47. Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир; М., 1995. С. 28–47.
48. Марковин В.И. Каякентско-хорочоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 334–355.
- heologicheskie razvedki v Primorskom Dagestane v 2007g]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2008,(1):51-55.
27. Gadzhiev MS. Excavations of the burial ground Taular-gol [Raskopki mogilnika Taular-gol]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2005, (4):110-111.
28. Erlikh VR, Magomedov RG. Kurgan – a sanctuary of the Bronze Age in Primorsky Dagestan [Kurgan – svyatilishche epohi bronzy v Primorskom Dagestane] *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov Readings. Proceedings of the International scientific conference*. Grozny, 2016:66-68. (In Russ)
29. Kotovich VM. Miskinbulaksky burial ground. Monuments of the Bronze and Early Iron Age in Dagestan [Miskinbulakskij mogilnik. Pamyatniki epohi bronzy i rannego zheleza v Dagestane]. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1978;(8): 77-98. (In Russ)
30. Magomedov AR. Excavations of the Takhirkala burial ground [Raskopki Tahirkalinskogo mogilnika]. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Makhachkala, 1980:46-61. (In Russ)
31. Davudov OM, Khangishiev GD. *Gyuhtrak burial ground. Mountains and plains of the North-Eastern Caucasus in antiquity and the Middle Ages [Gyuhtrakskij mogilnik. Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka]*. Makhachkala, 1991:49-61. (In Russ)
32. Markovin VI. Exploration in the southeastern regions of Kalmykia and the foothills of Dagestan [Razvedki v yugo-vostochnyh rajonah Kalmykii i predgornom Dagestane]. *Archaeological discoveries of 1978*. Moscow, 1980: 35-36. (In Russ)
33. Bakushev MA, Gadzhiev MS, Davudov ShO. Burial ground Kanabur-Auz [Mogil'nik Kanabur-Auz]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2005, 1:81-94. (In Russ)
34. Reinhold S, Belinsky AB, Atabiev BK. Late Bronze Age in the mountains of the North Caucasus and the surrounding territories. *The Caucasus between Eastern Europe and the Near East: a dialogue of cultures, a culture of dialogue. International Scientific Archaeological Conference and Humboldt Lecture Hall. Archäologie in Iran und Turan*. Band 18. Berlin. 2020:405-455.
35. Gadzhiev MG, Korenevsky SN. Metal of the Velikent catacomb. Ancient crafts and trade in Dagestan [Metall Velikentskoj katakomby. Drevnie promysly, remeslo i trgovlya v Dagestane]. Makhachkala, 1984:7-27. (In Russ)

49. Котович В.Г. Археологические исследования в горном Дагестане // МАД. Т. II. Махачкала, 1961. С. 5–56.

50. Погребова М.Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т. II. Махачкала, 1961. С. 109–123.

51. Атаев Г.Д., Малагитинов М.М. Керамика Ирганайского поселения I // ТД НСПИ-ЭИ Института ИЯЛ 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. С. 4–5.

52. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М: Наука, 1975. 416 с.

36. Magomedov RG. *Materials for the study of cultures of the Bronze Age in Primorsky Dagestan [Materialy k izucheniyu kul'tur epohi bronzy v Primorskom Dagestane]*. Makhachkala, 2000.

37. Gadzhiev MS, Davudov ShO, Gadiev UB. Excavations of the burial ground Taular-gol in 2006 [Raskopki mogil'nika Taular-gol v 2006 g.]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2006, 3(7):128-130. (In Russ)

38. Gadzhiev M, Kohl Ph, Magomedov R, Stronach D, Gadzhiev Sh. *Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV)*. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archaologie Eurasiens*. Band 6, 2000:47-122.

39. Kanivets VI, Berezanskaya SS. Mounds of the Bronze Age on Sulak [Kurgany bronzovogo veka na Sulake]. *Materials on the archeology of Dagestan*. Vol. I. Makhachkala, 1959;(1):60-85. (In Russ)

40. Magomedov MG. Tombs of the Bronze Age in the Gental tract [Grobnicy epohi bronzy v urochishche Gental]. *Ancient monuments of the North-Eastern Caucasus*. Makhachkala, 1977:14-21. (In Russ)

41. Munchaev RM. The most ancient culture of the North-Eastern Caucasus [Drevnejshaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza] *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow, 1961(100). (In Russ)

42. Munchaev RM. *Kuro-Araxes culture. Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia is the early and middle Bronze Age of the Caucasus [Kuro-araxskaya kul'tura. Archeologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednej Azii rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1994:8-57. (In Russ)

43. Gadzhiev MG. *From the history of culture of Dagestan in the Bronze Age: (Ginchi burial ground) [Iz istorii kul'tury Dagestana v epohu bronzy: (Mogil'nik Ginchi)]*. Makhachkala, 1969. (In Russ)

44. Gadzhiev MG, Magomedov RG. *Monuments of Ginchin culture near the village of Gagatl. Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus [Pamyatniki ginchinskoj kul'tury u sel. Gagatl. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala, 1985:81-100. (In Russ)

45. Munchaev RM. New data on the archeology of Checheno-Ingushetia [Novye dannye po arheologii CHEcheno-Ingushetii]. *Brief*

Статья поступила в редакцию 18.10.2021 г.

Communications of the Institute of Archeology. 1961;(84):56-62. (In Russ)

46. Bagaev MKh. *New burial ground of the Bronze Age in Checheno-Ingushetia. New in the archeology of the North Caucasus [Novyj mogil'nik epohi bronzy v Checheno-Ingushetii. Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1986:66-74. (In Russ)

47. Markovin VI. *Bronze Age burial ground near the village of Maly Kharsenoy in Chechnya. Historical and archaeological almanac [Mogil'nik epohi bronzy u seleniya Malyj Harsenoy v Chechne. Istoriko-arheologicheskij al'manah]*. Armavir; Moscow, 1995;(1): 28-47. (In Russ)

48. Markovin VI. *Kayakent-Khorochoy culture. Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus [Kayakentsko-horochoevskaya kul'tura. Arheologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednej Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1994:334-355. (In Russ)

49. Kotovich VG. *Archaeological research in mountainous Dagestan [Arheologicheskie issledovaniya v gornom Dagestane]*. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1961;(2):5-56. (In Russ)

50. Pogrebova MN. *Irganai crypt of the Bronze Age [Irganajskij sklep epohi bronzy]*. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1961;(2):109-123. (In Russ)

51. Ataev GD, Malagitinov MM. *Pottery of the Irganai settlement [Keramika Irganajskogo poseleniya I]*. *Scientific session devoted to the results of expeditionary research of the Institute of History, Language and Literature 1990-1991.1990-1991 gg.* Makhachkala, 1992:4-5. (In Russ)

52. Munchaev RM. *Caucasus at the dawn of the Bronze Age: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age [Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, rannyaya bronza]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)